

Ник. ПОЯРКОВ

Андрей Белый

Золото в лазури. К-во «Скорпион». М., 1904

I

С безрассудною щедростью богача он бросил в море русской поэзии пригоршни бриллиантов и алмазов — новые размеры, изысканные и музыкальные, новые рифмы, неожиданные и звонкие. Его палитра богата ослепительными красками, — Белый не любит сумрака и тени, все для поэта огневает, искрится и лучится. Как ценно само заглавие сборника: «Золото в лазури». С первых страниц загораются огни рубинов, золото янтарей заката. Пылает пожаром мировое вино. Горят сафирные зарницы, загорается «мечтой виннокрасной белоснежный кусок кисеи». Андрей Белый внес в русскую поэзию новые эпитеты, такие яркие и красочные. Сумрачное небо покрылось ослепительным огнем, на который глазам больно смотреть. Поэт заговорил в стихах о «низких» вещах, а они загорелись удивительной красотой. Иногда невольно чувствуется, что молодой поэт просто бравирует, и как любители идут в летний день с сетками ловить красивых, многоцветных бабочек, так и он ловит, ищет и находит новые звонкие рифмы. Словарь Белого очень богат и в нем так мало банальных рифм! Ну вот, передо мной совершенно случайно 116 страница, беру первые попавшиеся рифмы: гири я — Валькирия, нащупала — купола, глетчером — вечером... Не он был апостолом свободного размера в русской поэзии. Валерий Брюсов внес его, усовершенствовал и навсегда привил. Но никто, как Белый, так свободно, иногда до смешного своеобразно, не обращался с размером, то удлиняя его, то до бесконечности укорачивая, употребляя строки в одно слово.

Уже в первом произведении Белого, «Драматической симфонии», многие места удивляют музыкальностью, многие строки

похожи на стихи не только ритмом, но и внешностью. Белый глубоко любит музыку, и в его критических статьях встречаются страницы, пронизанные лучами любви к музыке. У поэта есть даже отдельные статьи, темы которых — музыка, ее сила и значение. Конечно, в некоторых местах книги «Золото в лазури» есть досадные промахи в обращении со свободным стихом («Чающие»). В большинстве случаев есть и чувствуется родство изменения размера с переломом самого содержания. Углубляется, делается серьезней оно — удлиняется, тяжелеет, застывает размер. Кто признает, что стих, как и жизнь, — стихия, может и должен меняться, ломаться, застывать и становиться прозрачным, хрупким, тот ценит свободный стих Белого. А тут еще все залито красками, огнями, все рдеет, сверкает, голубеет и поет. Иногда это какая-то нежная песня, рожденная серебряными трубами архангелов, высоко над землей, иногда сверкание заката во всей силе красок. Удивляет любовь поэта к драгоценным камням, напоминающая страсть к ним женщин Востока. Всюду разбросаны жемчуга, аметисты, алмазы, рубины, червонный берилл, опалы, оникс... Иногда частое употребление подобных эпитетов ослабляет силу образности...

II МЕЧТЫ

Мечты Андрея Белого — мечты молодого, безумно-смелого аргонавта, приказывающего своим товарищам надевать «броню из солнечной ткани».

Впереди сверкает новое будущее. Ведь «закатилось оно — золотое, старинное счастье — золотое руно». И надо лететь за золотым руном на солнечный пир к новому счастью. Само солнце — только «вечное окно в золотую ослепительность», и надо оставить землю, все земное, ибо в душу прокрадывается «неясным смятением хаос древний». Душа загорается неземной печатью неземных огней, лазурь вызывает в ней столько мечтаний о вечности, столько трепетов и голубых восторгов.

Поэт так любит осень и закат, — лучшие стихотворения сборника навеяны осенней порой года и осенними часами суток.

Мечты Андрея Белого... Они дрожат в душах многих мечтателей, вызывая долгую грусть и воспоминания о, Бог знает когда, угаснувших временах. Это переживалось, но потом пронесся океан времени, уничтожил это, а оно вдруг вспыхнуло и горит в венке алмазных дум. Проснувшееся так прекрасно, что все земное бледнеет и никнет.

Нет ничего... и ничего не будет...
 И ты умрешь...
 Исчезнет мир и Бог его забудет.
 Чего ж ты ждешь?

Откуда этот зов зазвенел в душе? Кругом без конца даль, закат, лениво качается овес. И этот вечный зов от безвременья к вечности все звучит в душе поэта, превратившегося для толпы в безумца. Таинственный зов звучит и на мостовой, и в смирительном доме, куда посадили мечтателя. А он все плачет и мечтает в «порывах безмирных, ожидая несказанного». Весенний день, на склоне небес потухает золотое вино заката и встает в душе знакомая грусть.

Смеюсь — и мой смех серебрист,
 И плачу сквозь смех поневоле.
 Зачем этот воздух лучист?
 Зачем светозарен... до боли?

Иногда стихи Белого полны пафоса, озарены изнутри прозрением. Вот она, граница между временным и вечным, реальным и непостижимым. Поэт в новом мире — «ах, и зло, и добро утонули в прохладе манящей». В ряде стихотворений творчество Белого достигает момента высшего напряжения, проникается экстазом, переплескивается за границу между возможным и несказанным. Тогда оно так сильно трогает струны души бедных рыцарей золотого руна, смешных и жалких в их священных порывах для современной пошлой толпы. На поэта нисходят языки Святого Духа, вырастают крылья, уносящие в вечность. Все земное кажется утомительным сном, крепнет пророческая вера, что исполнятся сроки и «крылатое время блаженно утонет в лазури». Какое удивительно глубокое замечание.

III

Моя любовь — призывно грустный звон,
 Что зазвучит и улетит куда-то,
 Не ясно милый сон,
 Уж виданный когда-то.

Юный поэт-аргонавт совсем не знает земной любви с ее мучительной сладостью и восторгами. Образ женщины-вампира незнаком ему, он вытеснен образом таинственной Вечности. У Белого так мало стихотворений о любви и, говоря откровенно, они лишены оригинальности, на них лежит отблеск влияния Вл. С. Соловьева. Естественно, что поэту, охваченному пожаром вечных дум,

стремлением к солнцу и дальше, за солнце, не до любви. Она затушевывается более сильным. Если и попадаются стихи о любви — они грустны и трогательны, говорится о неизбежности разлуки или вспоминается давно отзвучавшая любовь.

IV

Древний хаос шевелится. И вот ряд заманчивых картин из жизни наших предков — кентавров и гномов. Чувствуется прохлада леса, мелькают сатиры и наяды, карлы и гномы, слышатся топот и ржание кентавров. Глубоко в душе весь этот мир, и он неожиданно вспоминается, вырисовывается, дорог поэту. Не эти ли карлы и гномы наделили поэта таким богатством драгоценных камней, познакомили его с чудесами недр земли, насытили кисть разноцветными красками?

Мне не важно, под влиянием ли картин Сомова и Борисова-Мусатова или вполне самобытно написан Белым отдел «Прежде и теперь». Скажу только, что «Опала», «Объяснение в любви», «Полунощницы» «Менуэт» — так верно рисуют прошлое и уносят в мир фижм, париков, табакерок и менуэтов. А оттуда, из мира прабабушек и реверансов, поэт своенравно переносит в современный город или деревню («Сельская картина», «Отставной военный», «Весна»). Весело перечитывать эти картины, где — сардинку рифмует — блондинку, а Яшка рифмуется деревяшка, Турции — настурции. Часто смешное, обыденное и мелочное параллельно глубокому.

Тут известку счищают ножом...
 Тут стаканчики с ядом... Тут вата...
 Грудь апрельским восторгом объята.
 Ветер пылью крутит за окном.
 В небе свет предвечерних огней.
 Чувства снова, как прежде, огнисты.
 Небеса всё синей и синей.
 Облачка, как барашки, волнисты.
 В синих далях блуждает мой взор.
 Все земные стремленья так жалки...
 Мужичонка в опорках во двор
 С громом ввозит тяжелые балки.

(«Весна»)

В этих стихотворениях, полных комизма, есть пролет в вечное. Они напоминают Белого с другим ликом — Белого, автора «Драматической симфонии» и «Возврата». Там так глубоко чувствуется какое-то родство Белого с великим сатириком Гоголем. На эту своеобразную сторону дарования А. Белого мало обращают внима-

ния. Между тем многие страницы симфоний Белого пропитаны сильным сарказмом и за всеми речами и поступками разных приват-доцентов притаилось что-то неизбежное и грозное. Мелко стелется совсем над землей бессмертная пошлость, в мирозерцаниях всюду прорехи, и сама жизнь, как ветхая одежонка бродяги, богата дырами, сквозь которые проглядывают хаос и суровая Ананки¹.

Скучно, часто до трагизма скучно безумцу аргонавту. Он весь в мировом, видит образ возлюбленной Вечности, а его не понимают.

Сквозь дымный угар
 Задают вопросы.
 Предлагают, открыв портсигар,
 Папиросы.

Он сознается сам: «ах, когда я сижу за столом и, молясь, замираю в неземном, — предлагают мне чаю». Это резкое противоречие между глубиной интимных переживаний и назойливым вторжением шумихи-жизни удивительно зарисовано во многих стихотворениях автора «Золото в лазури».

Последние дни особенно высоко поднялась волна религиозных чаяний и мистических озарений. Одинокая волна, а кругом тихое безбрежное море равнодушия к религии. Белый и многие другие на Западе и в России «слишком ранние предтечи слишком медленной весны»² неизбежно должны были встретить в обществе или тупое равнодушие, или циничные насмешки. Ленивый, сытый буржуа с гнилым мозгом, когда встречается с проблемами мистицизма, презрительно смеется, когда узнает о мечтах и успехах социализма, выходит из себя и торопливо сочиняет «временные правила». Буржуа начинает чувствовать, что миг — и маска будет сорвана; загорается новая жизнь. Он видит, что везде встают апостолы нравственного и религиозно-общественного возрождения и, полный ужаса за свою собственность, ненавидит новых людей. Декаденты, мистики, социалисты, анархисты — все, кто выводят море Жизни из берегов, насыщают воздух грозой, толкают людей к борьбе за новое — непримиримые враги буржуа.

Всюду в тумане ярко запылала факелы искателей Счастья. Это хорошо — восемь часов для труда, восемь для сна, но не забудьте, что остается еще восемь часов свободных. Вот эти восемь часов человечество, разрушив старый строй, посвятит исканиям Бога своей души.

Пусть на рассвете туманно —
 Знаю, желанное близко.

Издав «Золото в лазури», А. Белый в течение последних двух лет поместил ряд стихотворений в журналах и альманахах — они

скоро будут изданы «Скорпионом», кажется, под названием «Тоска о воле»³. Что-то грубоватое и даже резкое начинает звучать во многих из этих стихотворений; иногда невольно вспоминаешь, как это ни странно, Некрасова. За этой грубоватостью скрывается дорогое и милое, знакомое и нежное. Изысканный любитель поэзии даже возмутится. Судите сами:

Как с убийцей, с босяком,
С вором
Запевали вечерком
Хором.

В этом же стихотворении есть —

Ты не раз меня будил.
Приносил нам сторож водки⁴.

Порой встречается старый Белый с длинными составными словами:

Встало облако длинными башнями.
С голубых, бледнотающих вышек
Над далекими хлебными пашнями
Брызнул свет золотоогненных вспышек⁵.

Вместо гномов, кентавров поэт начинает интересоваться судьбой беглецов из Сибири, арестантов, попрошайек, странников, бредущих по пустынному полю. Его интересует психология калек. Но в этих иногда неуклюжих и тяжеловатых стихотворениях пробирается более интересное, чем в сборнике «Золото в лазури». А. Белый дебютировал слишком фанфарно — одни неистово восхваляли его, другие слишком бранили и вышучивали. Но все были должны признать в начинающем поэте своеобразность и возможность очень крупного таланта.

А. Белый молод — теперь ему 25 лет.

